

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
П51

Natasha Pulley
THE WATCHMAKER OF FILIGREE STREET

*Печатается с разрешения Andrew Nurnberg Associates
и литературного агентства Andrew Nurnberg*

Художественное оформление Александра Шпакова
Перевод с английского А. Т. Лифшиц

Поли, Наташа.

П51 Часовщик с Филигранной улицы: [роман] / Наташа Поли; пер. с англ. А.Т. Лифшиц. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 448 с. — (Очень странный детектив).

ISBN 978-5-17-113045-9

Лондон, 1883 год. Молодой телеграфист Таниэль Стиптон, вернувшись домой в свою крошечную квартиру в Пимлико, обнаруживает на подушке оставленные таинственным посетителем ручные золотые часы изысканной работы. Пока он пытается разобраться, как к нему попал неожиданный дорогой подарок, часы спасают ему жизнь — заставив молодого человека покинуть место, где через мгновение произойдет мощный взрыв, который разрушит Скотланд-Ярд и кварталы вокруг. Так Таниэль оказывается втянут в полицейское расследование.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-113045-9

© Natasha Pulley, 2015
© А.Т. Лифшиц, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Посвящается Клэр

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ЛОНДОН, НОЯБРЬ 1883 ГОДА

В телеграфном отделе Хоум-офиса всегда пахло чаем. Запах исходил от пачки «Липтона», прятанной в глубине ящика письменного стола Натаниэля Стиплтона. Раньше, до того, как телеграф вошел в широкий обиход, здесь был чулан для хранения швабр и прочих необходимых для уборки предметов. Таниэлю не раз доводилось слышать, что отдел ютился в столь тесном помещении из-за глубокого недоверия министра внутренних дел ко всем этим флотским изобретениям, но даже если слухи и не соответствовали действительности, бюджета отдела никогда не хватало на замену сохранившегося от прежних времен ковра, пропитавшегося старыми запахами. Поэтому к свежему аромату чая примешивались запахи чистящего порошка и мешковины, сквозь которые иногда пробивался запах мастики, хотя никто тут ничего и никогда ею не натирал. Теперь вместо щеток и швабр на длинном столе располагались в ряд двенадцать телеграфных аппаратов. Днем каждый из операторов обслуживал по три аппарата, соединенных с различными точками внутри Уайтхолла и за его пределами и снабженных соответствующими наклейками с надписями, сделанными тонким почерком какого-то позабытого клерка.

Сегодня вечером все аппараты хранили молчание. Между шестью вечера и полночью в отделе оставался один дежурный оператор на случай, если поступит какое-либо срочное сообщение, но, проработав в Уайтхолле три года, Таниэль не мог припомнить, чтобы после восьми часов заработал хотя бы один аппарат. Лишь однажды из Форин-офиса пришла какая-то странная, лишенная смысла телеграмма, однако выяснилось, что это была случайность: кого-то угораздило сесть на аппарат на другом конце провода. Не только сесть, но еще и раскачиваться. Таниэль тогда поостерегся проявлять любопытство и не стал ни о чем расспрашивать.

Таниэль осторожно сместился к левому краю стула и подвинул к себе книгу. Провода от телеграфных аппаратов были пропущены через отверстия в столе, откуда уходили в пол, причем все двенадцать располагались как раз в том месте, где должны были бы находиться колени оператора. Старший клерк любил жаловаться, что, сидя боком на стульях, они напоминают барышень из высшего общества во время уроков верховой езды, однако его недовольство становилось куда более серьезным, если кто-нибудь из них задевал провода: замена их была делом весьма дорогостоящим. Выходящие из телеграфного отдела провода опутывали здание, а дальше сеть их распространялась по всему Вестминстеру. Один шел через стену в Форин-офис, другой заканчивался в телеграфной комнате Парламента. Два соединялись с пучком проводов, тянущихся к Центральному почтамту на Сен-Мартен-ле-Гран. Остальные были подключены непосредственно к дому министра внутренних дел, Скотланд-Ярду, Министерству по делам Индии, Адмиралтейству и к прочим департаментам. Некоторые линии были не слишком-то и нужны, быстрее было бы просто высунуться из окна главного офиса

и прокричать сообщение, однако старший клерк считал подобное поведение недостойным джентльмена.

На часах Таниэля время приближалось к четверти одиннадцатого, искривленная минутная стрелка всегда слегка зависала над двенадцатью. Время для чашки чая. Он всегда откладывал чаепитие на ночь. Стемнело уже во второй половине дня, и сейчас в помещении было так холодно, что от дыхания поднимался пар, а бронзовые телеграфные ключи покрылись влажным налетом. Тем приятнее было думать об ожидающей его чашке горячего напитка. Он извлек на свет коробку «Липтона» и, положив ее поверх чашки и зажав под мышкой номер «Иллюстрированных лондонских новостей», направился в сторону кованной лестницы.

На пути вниз клацанье лестницы под ногами окрасилось в ярко-желтый ре-диез. Он не смог бы объяснить, почему ре-диез казался ему желтым. У нот были собственные цвета. Это имело смысл в те времена, когда он еще играл на фортепьяно: стоило ему взять неверную ноту, как звук окрашивался в коричневый цвет. Он никому не рассказывал об этой своей способности видеть цветные звуки. Разговоры о желтых ступенях и впрямь выставили бы его сумасшедшим, а правительство Ее Величества, вопреки мнению «Иллюстрированных новостей», не держало на службе откровенно ненормальных индивидуумов.

Большая печь в буфетной никогда до конца не остывала, тлеющие угольки от прошлой топки не успевали окончательно погаснуть за короткий перерыв в работе государственной службы между поздними вечерними сменами и ранними утренними часами. Он помешал угли, и они ожили и заискрились. Он стоял, прислонившись поясницей к столу и ожидая, пока закипит вода, и глядел на

свое искаженное отражение в стенках медного чайника. Отражение окрасило его в гораздо более теплые тона, чем он был на самом деле: в его облике преобладали серые оттенки.

Он развернул захрустевшую в абсолютной тишине газету. Таниэль рассчитывал найти какой-нибудь любопытный материал на военную тему, но обнаружил лишь статью, посвященную последней речи мистера Парнелла в парламенте. Он зарылся носом в шарф. Если очень постараться, можно растянуть приготовление чая минут на пятнадцать, с удовольствием сократив на это время один из восьми присутственных часов, но в остальные семь ему было нечем заняться. Конечно, время текло быстрее, когда попадалась нескучная книга или газеты писали о чем-то более интересном, чем тревожные новости о требованиях независимости для Ирландии, как будто Клан-на-Гэль не занимался все последние годы забрасыванием бомб в окна правительственных зданий.

Он проглядел оставшиеся страницы газеты. Ему попалась реклама идущего в Савое «Чародея». Он уже видел спектакль, но мысль о возможности сходить на него еще раз немного подняла настроение.

Чайник засвистел. Таниэль медленно налил себе чаю и, прижимая чашку к груди, побрел по желтым ступеням обратно в телеграфный отдел, в одинокий круг света от офисной лампы.

Один из телеграфных аппаратов работал.

Он склонился над ним, испытывая сперва лишь легкое любопытство, но почти сразу увидел, что аппарат соединен со Скотланд-Ярдом, и поспешил поймать конец телеграфной ленты. Она почти всегда сминалась после первых трех дюймов. Лента затрещала, грозя порваться, но сдавалась, когда он потянул за нее. Выполнившие из аппарата

точки и тире новейшего кода имели вид нетвердый, как почерк старого человека.

— Фениш— оставили мне записку, в которой обещают, что—

Остаток сообщения все еще, стрекоча, проходил через машину, пронизывая сумрачное помещение пунктиром ярко светящихся быстрых точек. Он довольно быстро распознал почерк оператора на другом конце провода. Стиль кодирования суперинтенданта Уильямсона напоминал нерешительную манеру его речи. Сообщение выползло из аппарата отрывистыми толчками, с длинными паузами.

—они собираются взорвать бомбы во всех общественных зданиях— 30 мая 1884 года. Через шесть месяцев от сегодняшнего дня. Уильямсон.

Ухватившись за ключ, Таниэль подтянул аппарат к себе.

— Это Стиплтон из Хоум-офиса. Пожалуйста, подтвердите последнее сообщение.

Ответ пришел нескоро.

— Только что нашел записку у себя на столе. Угрожают бомбами. Обещают— сдуть меня со стула. Подписано Клан-на-Гэль.

Он застыл, склонившись над аппаратом. Когда Уильямсон сам посылал телеграммы и знал, что переписывается со знакомым оператором, он подписывался именем «Долли», как если бы они были членами одного и того же мужского клуба.

— Вы в порядке? — спросил Таниэль.

— Да. — Долгая пауза. — Должен признаться — несколько шокирован. Иду домой.

— Вы не должны ходить без провожатого.

— Они ничего не— сделают. Раз они сказали, что бомбы будут в мае — значит бомбы будут в мае. Это— Клан-

на-Гэль. Они не размениваются на ерунду и не станут гоняться за мной с крикетными битами.

— Но зачем тогда сообщать вам об этом сегодня? Это может быть ловушка, чтобы выманить вас из офиса в определенное время.

— Нет-нет. Это чтобы нас— напугать. Они хотят, чтобы в Уайтхолле знали, что этот день настанет. Если политики будут бояться за свою жизнь, они станут внимательнее прислушиваться к требованиям ирландцев. Они говорят: «в общественных зданиях». Это больше, чем просто в течение одного дня держаться подальше от Парламента. Я им не интересен. Поверьте, я— знаю этих людей. Я многих из них отправил за решетку.

— Будьте осторожны, — не вполне успокоенный, отбил Таниэль.

— Спасибо.

Аппарат еще отщелкивал последнее слово суперинтенданта, когда Таниэль, оторвав ленту, ринулся в дальний конец темного коридора, к двери, из-под которой пробивался свет от зажженного камина. Он постучал, потом распахнул дверь. Сидевший в комнате старший клерк взглянул на него и сердито нахмурился.

— Меня тут нет. Надеюсь, у вас что-то действительно важное.

— Это телеграмма из Скотланд-Ярда.

Старший клерк выхватил у него листок. Здесь был его кабинет; он читал, сидя в глубоком кресле у камина, галстук и воротничок валялись рядом на полу. Каждую ночь повторялась одна и та же сцена. Старший клерк уверял, что останется в кабинете на ночь, поскольку храп жены мешает ему спать, однако Таниэль начинал подозревать, что жена попросту уже забыла о его существовании и поменяла в дверях замок. Старший клерк прочитал телеграмму и кивнул.

— Хорошо. Вы можете идти домой. Лучше я сам сообщу министру.

Таниэль ответил ему кивком и торопливо вышел. Никогда прежде ему не предлагали раньше уйти со службы, даже если он бывал нездоров. Зайдя к себе, чтобы взять пальто и шляпу, он услышал на другом конце коридора возбужденные голоса.

Он жил в пансионе; дом находился неподалеку от тюрьмы Миллбанк, к северу от нее, и так близко к Темзе, что каждую осень подвал подтапливало. Возвращаться сюда по ночам пешком из Уайтхолла было жутковато. В свете газовых фонарей туман застилал окна запертых лавок, приобретавших по мере приближения к его дому все более обшарпанный вид. Разруха нарастала постепенно, он как будто путешествовал назад во времени: с каждым шагом следующее здание казалось пятью годами старше предыдущего, а все вместе они застыли, как экспонаты в музее. И все же он был рад раньше уйти со службы. Хоум-офис был самым большим общественным зданием в Лондоне. В мае он станет одной из мишеней. Он повернул голову в сторону, как будто стараясь отвязаться от неприятных мыслей, и засунул руки поглубже в карманы. В прошлом марте ирландцы уже пытались забросить в помещение бомбу через окно первого этажа. Они промазали, взлетели на воздух только несколько велосипедов на улице снаружи; тем не менее в телеграфном отделе от взрыва пол заходил ходуном. Но эти люди не были членами Клан-на-Гэль, просто рассерженные парни, которым удалось стащить где-то немного динамита.

Под широким крыльцом его дома спал местный нищий.

— Здорово, Джордж.